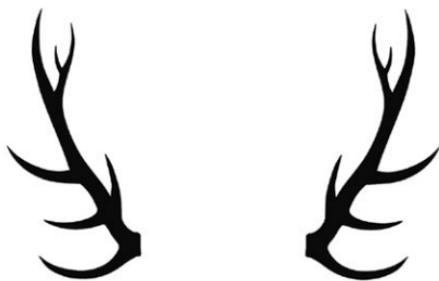

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТВЕРЖЕННАЯ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Эй, Тураах! Смотри, что у меня! — завидев неподалеку от тропы присевшую на корточки подругу, Табата замахал зажатой в руке тупоносой стрелой. Тураах только шикнула:

— Тс-с...

Табата озадаченно замолк. Закусив губу, Тураах пристально всматривалась в начинавшиеся ниже по склону кусты. Табата переступил с ноги на ногу, повертел в руках выпрошенную у старшего брата стрелу и, вздохнув, присел рядом. Аккуратно пристроил свое сокровище на коленках. Взглянул на подругу: черные косы обрамляли сосредоточенное лицо. Между соболиных, вразлет, бровей залегла тревожная складка. Стрелу даже не заметила... Что ее так занимает? Среди прошлогодней листвы и сухостоя метались рыжие сполохи. «Пламя? — испугался он. — Да нет, лисенок!» Табата восторженно втянул носом воздух.

Зверек бился среди сухих веток, время от времени неестественно замирая.

— Что этот хитрец задумал?

— В самолет угодил.

— Ха, и на ловкача-лиса нашлась западня! — усмехнулся Табата. — Богач Байанай* расщедрился: будет у жены удачливого охотника на зиму новый воротник.

Лисенок бросался из стороны в сторону, не желая сдаваться, но с каждым его рывком петля самолота только сильнее вгрызалась в шкуру. Обессилев, он понурил голову и заскулил.

Табата поежился: словно дитя плачет. Он покосился на Тураах. Ее темные глаза влажно блестели.

Что же делать? На сердце противно скреблись мыши, но добыча в силках — щедрый дар Лесного Хозяина. Вмешаешься, еще осерчает Байанай: не видать потом охотникам дичи, как не видать белоликого солнца долгой зимней ночью. Тураах всхлипнула и отвернулась.

Рыжего лисенка было жаль, но Табата был братом охотника и понимал, как важна богатая добыча и как страшно прогневить Байаная. «Как бы поступил Бэргэн? — задался вопросом Табата. — Брат бы наверняка нашел выход...» Решение пришло неожиданно, словно подсказал кто-то незримый, стоящий за плечом.

Табата бережно уложил стрелу на землю, за ней последовали снятый с плеча короткий лук и разукрашенная берестяная пластинка, поднялся на ноги и достал короткий ножик.

— Баай Байанай милостив, щедрой рукой гонит он лесных жителей в силки наших охотников, но одно дело найти богатую дичь в своем самолоте, другое — слышать

---

* Баай Байанай — дух-хозяин леса, животных и птиц, покровитель охотников.

плач детеныша в ловушке, — решительно прошептал он, подражая витиеватой речи олонхосутов*.

Тураах поднялась следом. Сморгнула слезы, откинула черные косы за спину и подхватила:

— Не осерчай, Лесной Хозяин: богат дар, но сердце не радует. Пусть живет рыжий хитрец в твоём изобильном чертоге, а жене охотника я свой воротник подарю — это честная мена.

Плечом к плечу дети двинулись в заросли. Лисенок испуганно прижал уши, оскалился. Тураах успокоительно зашептала, протянула руку. Клац! — острые зубы вцепились в рукав. Тураах ойкнула, свободной рукой прижала челюсть зверька, не давая ему снова куснуть. Лисенок забил лапами, завертел пушистым хвостом — откуда только силы взялись у лесного проныры?

— Держи крепче! — Табата навалился на зверька, стараясь нащупать тугую петлю из конского волоса.

Ощутив холодное лезвие, лисенок задрожал. Табата с трудом просунул нож под петлю и перерезал ее.

— Отпускай, — шепнул он, поднимаясь. Тураах высвободила рукав из пасти перепуганного зверька, робко провела рукой по огненной шерсти и отступила в сторону.

Почуввав свободу, лисенок кинулся в заросли. Обернувшись — нет ли погони — и, взмахнув хвостом, исчез в лесу.

Дети улыбнулись друг другу.

— Так откуда у тебя стрела? — весело спросила Тураах, глядя на подбирающего свои сокровища Табату.

— А-а-а, заметила-таки!

---

* Олонхосут — сказитель олонхо, древних эпических сказаний о богатырях-боотурах.

— Еще бы! — она заодно усмехнулась, провела пальцем по коричневому оперению.

— Это детский лук Бэргэна, — в словах Табаты звучала гордость. — Айда на поляну, к нашим: будем играть в тэлэрик*!

— Сначала домой, нужно исполнить обещание, — рассудительно ответила Тураах. Табата непонимающе вскинул брови. — Обмен же! Найду воротник и принесу сюда.

Табата кивнул и заливисто рассмеялся:

— А ведь рыжий подлец нас провел: разжалобил и улизнул!

Вторя ему, прыснула Тураах. Тайга откликнулась одобрительным шорохом: лукавый Байанай был доволен.

Тураах вбежала в юрту и замерла у порога. Дом пустовал. В камельке тлели древесные угли. Тураах подкинула небольшое полешко в беззубую пасть очага — пусть полакомится старичок. Мельком глянула на орон** с охотничьими принадлежностями. Улыбнулась большим снегоступам, висящим на стене: они пахли морозом, скрипучим снегом и приключениями, а еще — папой, и поэтому нравились Тураах больше всего. Ее отец, Таа́с, до первых заморозков был на дальних выпасах и дома появлялся наездами. Тураах очень не хватало его ухающего смеха и крепких объятий.

Нужно найти шкурку! Табата наверняка уже собрал ребят на полянке. Тураах метнулась в свой угол, приподняла тяжелую крышку сундука и принялась искать

---

* Тэлэрик — «летающий диск», детская игра.

** Орон — длинные лавки, располагающиеся вдоль стен.

среди теплых вещей лисий воротник. Вот он — рыжий, пушистый и теплый. То-то охотник удивится: вместо лисы — порванный силок и готовый воротник! И пойдет новая история гулять по улусу, и будут удивленно слушать ее охотники у костра.

Тураах приготовилась было бежать. Взгляд упал на рукав, подранный спасенным лисенком. Зашить бы, да ждет веселая игра, манят приключения. Лучше просто закатать.

С женской половины укоризненно глядели на Тураах ровные ряды горшков, туесков и прочей посуды. «Опять вся вымазалась, косы растрепались, — устало причитали они маминым голосом, — и на рукаве дырка... Вылитый мальчишка! Да кто ж такую неряху в жены-то возьмет!» Тураах вздрогнула и обернулась. Юрта по-прежнему была пуста.

К щекам прилил жар. Мама, пойми: в лесу слишком много чудес, чтобы весь день сидеть за вышивкой. А по хозяйству Тураах и так помогает, вовсе не ленится. С самого утра все дела переделала, какие были ей поручены. Все готово, так чего дома скучать?

Тураах встряхнула черными косами, прижала покрепче воротник и выбежала из юрты, стараясь не смотреть на ровные ряды посуды.

Берестяная пластинка взлетела в синь. Табата прищурил глаз, еще немного натянул тетиву и резко пустил стрелу в чернеющий кругляш. Стрела взмыла. Табата подался вперед. Вот сейчас! Собью берестяную птицу, глядишь, брат на охоту возьмет!

— Промажешь, — сказала стоявшая под сторожевой елочкой Тураах. За ее спиной столпились, открыв рты, младшие ребята.

Берестяная птица зависла на миг, словно в небесах вошло второе, черное солнце, и полетела на землю. Стрела запоздала совсем немного, прошла выше и нырнула в густой кустарник, окаймлявший поляну со стороны леса. Дети разочарованно ахнули, а рыжая малышка Алтаана сочувственно шмыгнула носом.

Табата выругался и оглянулся: услышь произнесенное им слово кто из взрослых, не избежать тумака.

— Промазал, да еще и стрелу потерял! Вот устроит тебе взбучку Бэргэн! — хмыкнул Сэргэх. Он был старше на несколько зим и на детской полянке не появлялся, но Табата вместо обычного для тэлэрика мяча притащил лук и стрелу, поэтому Сэргэх не смог сдержать любопытства.

— Накаркала! — Табата с досадой бросил лук в сторону и помчался к зарослям искать пропажу. Сэргэх был прав: брат не на шутку рассердится.

— Эй, так и его потеряешь! — Тураах подхватила лук и бросилась вдогонку.

Табата разочарованно сопел, раздвигая ветви кустарника. У кромки кустов пропажи видно не было. Он уже ступил под зеленые своды тайги, когда к нему подоспела Тураах. Она огляделась и принялась шарить по веткам чуть в стороне от друга, поправляя то и дело сползавший с плеча лук.

— Вон она! — Тураах указала в чашу. — Как далеко залетела!

И правда, за кустарником виднелось коричневое оперение. Дети переглянулись и нырнули в заросли. Первым на прогалину выскочил Табата — и пораженно замер. Ахнула за спиной Тураах.

Мир словно поблек. Пепельного цвета земля была бесплодной: ни травинки, ни кустика, ни поросшего мхом камня. Только иссохшее, обугленное с одной стороны дерево. Его сучья кривились узловатыми пальцами демона-абааса, сплетаясь над покоившимся на нижних ветвях коробом. В нем-то, застряв между почерневшими от времени досками, и торчала потерянная стрела.

Табата неуверенно оглянулся назад: за зеленым забором кустов виднелась родная полянка, место сбора всей окрестной ребятни, да верхушка мохнатой елочки. Стройное молодое деревце — крайняя точка детского мира: забежит кто за ее ствол, спасаясь от лисы-водящего, тут же загомонят ребята: «Не честно! Не по правилам!» И будет зазевавшийся игрок ждать окончания кона, наблюдая за весельем друзей со стороны.

Вон он, до каждого кустика, до каждой травинки знакомый мир, за спиной. А здесь — мертвое дерево с дремлющим в ветвях арангасом*. Табата, излазивший тайгу вокруг улуса вдоль и поперек, готов был поклясться: этого места нет и ни одна тропа сюда не ведет.

— Пойдем, нужно ее достать, — помявшись, прошептал Табата. Липкие лапки холода бегали вдоль позвоночника, но после позорного промаха показаться Тураах еще и трусом не хотелось. — Стрела невысоко, встанешь мне на плечи и дотянешься.

Дети крадучись вышли на прогалину. Обугленный ствол нависал над ними.

Тураах поежилась, глядя на могилу. В таких хорошили шаманов, и приближаться к ним было настрого

---

* Арангас — ритуальное воздушное захоронение шаманов, деревянный короб, закрепленный на деревьях.

запрещено. Правда, Тураах никогда и не слышала, что-бы поблизости от улуса был хоть один арангас. Черное дерево с прогнившим коробом заставляло сердце замирать. Однако оставлять стрелу здесь нельзя. Тураах вскарабкалась на спину Табаты и потянула за древко.

— Никак, — тихо сказала она. — Попробуй ты...

Тураах слезла и подставила спину. Табата был на полладони ниже нее, но сильнее. Он ухватился двумя руками за стрелу, потянул раз, другой. С третьим рывком стрела поддалась и начала выходить из щели.

Табата ощутил позади себя движение.

— Твоя стрела, мальчик? — раздался шелестящий голос. Тураах пошатнулась. Табата, выдернув наконец стрелу, не устоял и полетел на землю. Всхлипнула упавшая рядом Тураах, жалобно тренькнула тетива детского лука, и мир поглотила тьма.

— Ой-ой-ой, что ж это делается-то! Сразу у двух деток абаасы* душу отнимают! Помрут, ей-ей, помрут оба! А коли не помрут, так...

— Что ты, Сайыбына-эбэ, беду кличешь? — хмуро ухнул старший кузнецов подмастерье на причитания старухи, голосящей среди баб. Те слушали, разинув рты. От избытка внимания старая сплетница горячилась все больше, а пророчества ее становились все ужаснее. — Глядишь, пройдет хворь к утру-то!

Старуха нахохлилась:

---

* Абаасы — злые духи трех миров.

— А ты, Тимир, мне рот не затыкай! Я на свете-то поболе тебя поживала, видала поболе. Не раз уж злобные абаасы на моем веку души деточек похищали. Рожи-то у них страшные, не понять — звериные аль человечьи, и ревут страшно, не по-нашенскому, а коли схватят...

— Да подожди ты ребяташек хоронить и разума лишать, карга старая! Это не души детские, а твой разум абаасы утащили, да так ловко, что ты и не смекнула! — рывкнул Тимир, потом добавил тише: — Может, на тропу шаманью хоть одна душа свернет...

Сайыына побагровела, распухла, приготовившись клясть на чем свет стоит нахала, но, запоздало поняв, какой лакомый кусочек для пересудов подбросил ей Тимир, елейно улыбнулась. Хитро засверкали узкие глазки, старуха сдулась, мелко-мелко закивала, а когда Тимир немного отошел, свистящим шепотом сообщила товаркам:

— Слышали? Тимир-то не зря в старших подмастерьях у кузнеца, скоро и сам у горна начальничать станет. Говорят ведь, что кузнецы — старшие братья шаманам, и железненький наш* в щелочку да видал уже верхние и нижние миры, как пить дать! И про деток чего-то знает...

А в соседней юрте метались сжираемые внутренним огнем Табата и Тураах, найденные охотниками на лесной поляне недалеко от улуса.

Мир выглядел странно: земля была далеко. Тураах любовалась немного на зеленую волну тайги и игрушечный улус, зажатый между лесом и лужицей-озером, и повернула голову влево.

---

* Тимир — «железный» (якут.).

Рука. Привязанная к дереву. Тураах шевельнула пальцами — рука согнула и разогнула пальцы. Значит, рука ее, Тураах. Интересно, и кто же ее привязал?

— Крха, — раздался каркающий смешок. Тураах повернулась на звук. Чуть выше ее макушки рос толстый сук, а с него смотрел пустыми глазницами огромный птичий череп. В глазницах копошилась тьма. Тураах зажмурилась: взглядишь в зыбкую темень, и тебя завертит, засосет неведомо куда.

— Кхра-кхра-кхра, — снова захохотал череп, — пойдешь, дитя, мне в родню? Будешь летать по семи небесам, да путь вниз тебе не закрыт будет.

Тураах не удержалась, открыла глаза:

— Ты Хомпоруун хотой*, повелитель птиц? Ты зовешь меня в жены?

— Кхра-кра-кхрах, — он хохотал и хохотал, все никак не мог остановиться. Вдруг он слой за слоем начал покрываться мясом, кожей и черными, как смоль, перьями, в глазнице заблестел, отражая побледневшее лицо Тураах, бездонный зрачок. — Кхрах, доброму Хомпоруунчику нет никакого дела до девчонки на дереве, а вот я с удовольствием полакомлюсь испуганными глазками! Ох, и вкуснятина же — невинные глазки, полные ужаса, кхра-ра-храх! Крар-р-р-р-ра! — хохот ворона бубном ударил по ушам, перешел в призывное карканье.

И тайга откликнулась. Граем, свистом и хлопаньем крыльев. Взметнулись вверх птицы, повели хоровод над верхушкой огромного дерева. Тут были не только черные

---

* Хомпоруун хотой — «горбоносый орел», божество айы, покровитель птиц.

вóроны, но и названные сестры Тураах* ворóны, длиннохвостые сороки-трескухи, маленькие сычи, большеглазые неясыти, даже воробушки и синички. Тураах не боялась птиц, но в грае этой бешеной стаи, в их глазах, щелканье клювов и круговом движении сквозило дикое, древнее, хищное. Тураах вжалась в ствол.

— Крахраар-р! — снова гаркнул ворон, и птицы устремились к дереву. Перед лицом Тураах захлопали черные крылья. Ворона каркнула и ударила ее чуть повыше ключицы. Тураах закричала. Птицы бросались на нее, рвали нежную кожу на руках, ногах и животе. Острые клювы и горящие жадным огнем глаза мелькали со всех сторон. Тураах дергалась, визжала, но сознание все не покидало ее. Над кровавым пиршествom несея залиvistый хохот:

— Кхра-кхра-кхра!

Нога зацепилась за корень, и он упал. Над лесом взметнулся волчий вой. Табата вскочил, но тут же одумался: звук принесло издалека... Стая гонит дичь, какое дело волкам до заплутавшего в тайге мальчишки?

Он частенько бродил по таежным тропам недалеко от улуса: помогал брату ставить и проверять силки, набирал хворост, подкреплялся ягодой. Но сейчас места были совсем незнакомые. Узкая тропа, петляющая меж могучих стволов, спускалась с холма. Разглядеть, куда она ведет, не давал густой подлесок.

В вышине захлопали крылья. Так звонко, что Табата пригнулся, прикрыл голову. Тревожно как-то... Двигайся, вперед, вперед... Табата поспешил вниз по тропе: дорога есть — куда-нибудь выведет.

---

* Тураах — «ворона» (якут.).

Узкая лента тропки петляла меж деревьями и камнями, приходилось смотреть под ноги, чтобы не изрезать стопы об острые камни и бороздившие землю корни. Хотелось пить, и Табата прислушивался, не раздастся ли звонкий голос ручейка. Он знал: недалеко от стремительных таежных речушек можно найти охотничьи домики — уутээны. А это уже немало. Будет крыша над головой, и непременно найдется несколько кусочков вяленого мяса или сухари. Охотники, покидая стоянку, обязательно оставляют запас еды и дрова.

Справа от тропы раздалось приглушенное «топи-топи-топ-топи-топ». Из кустов прямо перед Табатой выскочил молодой олень. Замер, повернул голову, увенчанную мягкими рожками, и дернул ушами.

Табата вдохнул, выдохнул, и вдруг случилось то, от чего в животе у него все перевернулось, — чаша огласилась протяжным воем. Стая загоняла оленя, а Табата стоял у нее на пути!

Олень дрогнул и помчался вниз по склону. Табата бросился за ним, забыв о кровоточащих ступнях и не обращая внимания на хлещущие по лицу и рукам ветви.

На тропу за его спиной выпрыгнул серый охотник. Среди зарослей замелькали волчьи тени.

Неожиданно склон закончился, тропа вильнула влево, и беглецы оказались на широкой поляне. Олень, сделав еще два скачка, замер у высохшей лиственницы, широко раскинувшей причудливые ветви. Задышающийся, Табата тоже остановился.

На поляну, ликующе рыча, один за другим выскочили пять волков, обступили полукругом. Самый крупный утробно рыкнул, припал к земле.

Табата сжался. Удивительно, но молодой олень стоял спокойно и смотрел вовсе не на подбирающихся хищников.

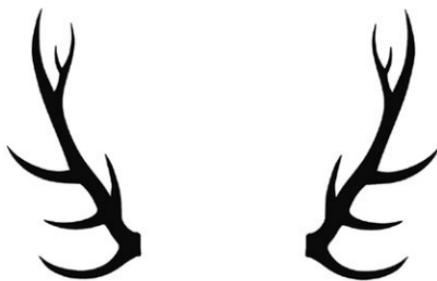
Чутье, пробужденное ролью добычи, подсказывало Табате: происходит нечто странное. Вывернутое наизнанку. Но не худое. Ноги перестали дрожать, напряжение схлынуло. Волки попятились, нервно поводя носами и уже не рыча, а недовольно ворча.

Что же происходит? Табата расправил плечи и медленно обернулся.

Лиственница ожила, зашевелила корявыми сучьями. Это тяжело поднимался с земли исполинский олень. Его рога качнулись, вознеслись вверх. Олень величаво выступил на середину поляны, склонил тяжелую корону и двинулся на вожака. Волк огрызнулся, но напасть не посмел. Олень сделал еще шаг. Волк взвизгнул и скрылся в зарослях. Стая последовала за ним.

Олень повернулся к Табате, взгляды их встретились: спокойная мудрость древнего животного и ясные, с удивлением смотрящие на мир глаза ребенка. Олень шагнул к Табате. Склонил рогатую голову. Табата доверчиво потянулся погладить костяную корону и не успел даже ахнуть. Острые рога вонзились ему в живот.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тайа́х-ойуун* нагнулся, чтобы не зацепить притолоку лосиными рогами, венчавшими его шапку, и вышел из юрты. Нарыя́на стояла у сэргэ**, обхватив себя руками, покачивалась из стороны в сторону. Словно дитя баюкала. Ойуун нахмурился: будь здесь отец девочки, разговор вести было бы проще. А теперь жди слез.

Заметив рыжий отсвет под ногами, Нарыяна обернулась, засеменила к шаману:

— Как она, Тайах-ойуун?

— Кости целы, ссадины и царапины сойдут. Что же до души Тураах, все зависит от внутренней силы.

Нарыяна молчала, заглядывала в лицо старого шамана полными слез глазами. Не понимает.

Тайах вздохнул, заговорил медленно, чеканя каждое слово:

— То не лихоманка-знобуха. То перековка. Так начинается тропа шамана. Дочери твоей, коли сдюжит, отныне только этой тропой следовать. И мальчику тоже.

---

* Ойуун — шаман.

** Сэргэ — резной деревянный столб, коновязь.

Бессильно опустились руки. Губы дрогнули, беззвучно повторяя слова ойууна: тропой, тропой шамана. Тайах ждал.

— О татай*! — простонала Нарыяна, цепляясь за рукав шаманского кафтана. — Верни ее, почтенный ойуун! Не дай моей Тураах потеряться на путях Трехмирья...

— Вернуть? — он прищурился, на потемневших от лет щеках проступили морщинки, будто резец искусного мастера прочертил. — Ступил на тропу — не сойдешь уже. Не дает она выбора. Слабых ломает, выпивает разум или жизнь. Но я бы не назвал это выбором.

Пальцы Нарыяны разжались, она упала на колени и закрыла лицо руками.

— Не лей слез напрасно, дождемся рассвета. Глядишь, хватит сил у Тураах перековаться, — смягчился Тайах-ойуун. Нарыяна всхлипнула и зарыдала пуще прежнего.

Шаман досадливо покачал головой: убивается так, словно шаманская доля хуже гибели. Ничего, выплачет глаза да смирится. Тревожило иное: почему утянуло обоих детей? Отродясь не слышал Тайах-ойуун, чтобы в одном улусе сразу две души на путь вступали. Уж не кроется ли здесь беды?

Он устремил взор в ночь, будто та могла ответить.

Тураах открыла глаза. Тело ныло, словно его разобрали по косточкам и собрали снова. Тошнота подкатывала к горлу. Хотелось пить, но сил не было даже руку поднять. Перед глазами пылали красно-коричневые пятна. Они отвлекали от страшного, таящегося в закутках памяти: пустые бездонные глазницы, птичий смех и вихрь черных

---

* О татай — междометие: о горе!

перьев. Затягивает, затягивает... Тураах моргнула, отгоня липкий ужас. Пятна тут же сложились в до черточки знакомый узор, украшавший стены родной юрты.

В стороне стукнуло. Тураах скосила глаза на звук. Берестяная чашка с надтреснутым краем, покачиваясь, истекала водой на настил. Такой желанной водой... Тураах с трудом отвела взгляд. А вот и мама... Лицо осунулось, неубранные густые волосы струились по плечам. Задремала у орона Тураах. Выронила чашку — и даже не проснулась.

— Мама, — спекшиеся губы не слушались, голос не хотел рождаться в пересошем горле. — Воды...

С трудом вымолвленные слова лишили последних сил. Тьма подкралась незаметно, обволокла, убаюкала, и Тураах уже не видела, как в глазах очнувшейся матери испуг сменился теплом пополам с тревогой, как Нарыяна подняла чашку и бросилась к кадке с водой.

Струйка студеной воды скользнула по губам, просочилась в горло, и успокоенная Тураах свернулась в колыбели мрака. Лишь иногда нарушал ее сон образ карглазого старика с короной ветвистых рогов. Словно ожила одна из тех причудливых деревянных фигурок, что резал отец долгими вечерами. Старик шептал замысловатые фразы, и мерно качался зубчатый венец рогов.

Похоже, здесь.

Осторожно, шадя старые колени, ойуун опускается на землю. Зарывается пальцами в ее черную плоть.

Поведай мне, покажи...

Вперед. Назад. Вперед. Назад. Тайах раскачивается мерно. Ловит ритм леса. Звук рождается в утробе, поднимается, пока не прорастает в горле. Бьется громче, резче. Песнь заполняет все вокруг — и обрывается.

Тайах-ойуун распахивает густо-карие, словно кора старого дерева, глаза.

Здесь, да не совсем.

Найденные бездыханными на этой полянке, Тураах и Табата встали на шаманью тропу в ином месте. Чужом. Страшном.

Населяющие каждое древо духи-иччи испуганно жмутся, прячутся в сердцевинах стволов. И шепчут. Шепчут о мраке, вторгшемся в это место. Его следы волокнами тьмы клубятся в густых тенях. Отпечатки недоброй воли, мертвого пространства.

Тайах чует злой умысел, к счастью, окончившийся неудачей — оба ребенка пришли в себя на рассвете, сохранив и жизнь, и разум. Мальчик очнулся с первыми лучами солнца и чувствовал себя сносно. Похоже, его перерождение прошло легче: силы в нем меньше, но это сила светлая. Вырастет из Табаты Белый шаман. Тураах приходила в себя дольше, мучительнее, все тело ее покрывали ссадины и царапины, сознание долго мутилось, но то, что она выдержала испытание, свидетельствует о большой внутренней силе.

Кому из мертвых нужны были дети и зачем? Кто пытался забрать их? Да и обоих ли?

Старый ойуун поднимается, качнув тяжелыми лосиными рогами, тянется к клубящимся у самой земли сгусткам мрака. Позволяет черным нитям опутать узловатые пальцы: посмотрим, куда ведет след.

Тьма сгущается, выползает из тени. Деревья смыкаются плотнее, иссохшими ветвями преграждают путь. Ни дружелюбного шелеста листьев, ни вечных шорохов леса. Только вязкая, давящая тишина. Даже иччи покинули эти глухие места.

Усталость наваливается, ломит суставы, щемит в груди, но Тайах упрямо шагает дальше, оступается на острых камнях.

Кто ты, скрывающийся во мраке? Что ты?

Тонкие сгустки мертвенного мрака, ведущие ойууна, свисают тут и там с голых ветвей, цепляются за полы кафтана. Слишком поздно Тайах замечает: тьма, как пиявка, подтачивает его и без того убывающие силы.

Деревья расступаются, открывая проход к пепелищу. Мертвая земля, не оправившаяся после бушевавшего здесь некогда всепожиряющего пламени. Посреди серого пятна возвышается обугленный ствол, а на его мощных сучьях покоится прогнивший арангас — могила шамана.

На границе пепелища Тайах замирает, тяжело дыша. Страхивает назойливые плети мрака.

Здесь.

Чужое присутствие давит на плечи.

Где ты?

— Меня ищешь, Белый шаман? — злая воля мертвеца бьет стремительно. Склонись, склонись передо мной. Ойуун сопротивляется, расправляет плечи. Сквозь гнет, до хруста в позвоночнике. Подводят колени. Распухшие от долгого пути, они подламываются, бьются о мертвую землю, вздымая серые клубы пепла.

От боли меркнет в глазах. Тайах проваливается в боль. На миг, всего на миг, но этого хватает, чтобы чужая воля навалилась, заставила опустить голову.

Вырывает из мрака тихий перезвон накладок на шаманском одеянии. Старый шаман с усилием вскидывает руки, сплетает дрожащими пальцами вязь обережного заклятия. Медленно-медленно поднимает голову.

Арангас содрогается и трещит. Из щелей прогнившего короба с отвратительным шипением хлещет мгла, тяжело оседает к подножию мертвого дерева, сплетаясь в силуэт того, кто был здесь похоронен.

Черная тень, едва напоминающая человека, — все, что осталось от этого существа. Тень и два желтых, звериных глаза.

Откуда же столько злости?

Тепло-коричневое сияние окутывает шамана — живое, живое среди мертвого — и устремляется в средоточие мрака.

Вот он, ответ. Вот суть Неведомого. Еще немного, и уловишь.

Тайах-ойуун тянется, тянется, тянется — и достает. Но вовсе не то, к чему стремился. Вместо разгадки перед шаманом распахивается бездна ненависти ко всему, что наполняет этот мир. К самой жизни. Ойуун падает в ее смердящий разложением зев. Не за что зацепиться. Нечем отгородиться от всепоглощающей злости, которая и есть суть Неведомого. Тьма впивается в сознание острыми клыками, терзает и рвет, упивается чужой болью.

Мрак сжимается, заключая старого шамана в узкий короб, наполненный гнилью и червями.

Посмотри, ойуун: кто здесь покоится? Да и покоится ли?

Видишь? Теперь это твой арангас.

Тьма гогочет и выпускает перемолотого ненавистью Тайаха из своего существа.

Руки трясутся. Тело не слушается. В груди щемит так, что не вдохнуть. Только бы не упасть! Пусть на коленях, но с прямой спиной. Только бы не упасть.

Старый шаман цепляется за эту мысль из последних сил. Держится. И не отводит взгляд от двух желтых огней напротив.

Склонив голову, тень разглядывает сотрясающегося от напряжения старика. Скалится хищно, словно волк, загнавший дичь в угол.

Тебе не уйти.

Не уйти. Слишком стар, слишком много сил вытянули проклятые пряди мрака.

Клубится перед Тайахом восставшая из арангаса ненависть к жизни, наслаждается слабостью ойууна. Следующий удар — последний.

Да, слишком стар. Но старость сильна мудростью. Что же породило такую зверскую ненависть ко всему, что дышит и чувствует? Ойуун перебирает крохи полузабытых сказаний, собранных за долгий век жизни, и вдруг понимает, *кто* стоит перед ним.

Умун, забытый людьми шаман, поставивший свою жизнь выше служения своему племени, выше всего, что наполняет этот мир. А ненависть к жизни — лишь жалкое прикрытие для животного страха смерти.

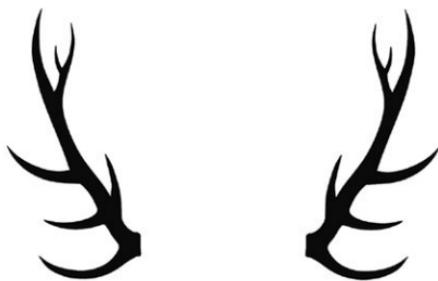
Существо, чье имя вылиняло в памяти людей до безликого Умун. Неведомый злобно щурится. Чует, что разоблачен. Рычит утробно, наступает на ослабевшего Тайаха.

Ойуун спокойно смотрит на того, кто завершит его путь в этом мире. Жалеть не о чем: Тайах прожил долгую и достойную жизнь. Но Умун — угроза, он принесет гибель многим людям. И в первую очередь одному из двух детей, только вступивших на шаманью тропу.

И решение, неожиданное и почти нелепое, приходит.

«Тебя страшит смерть? Но ведь ты уже мертв. Я же могу дать тебе жизнь, — подмигивает Тайах надвигающемуся мраку, снимая все затворы, распахивая свою душу. — Бери, Неведомый!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Юрта была пуста. Только рыжие отсветы плясали по полу и стенам: У́от Иччитэ* приветствовал очнувшуюся после болезни девочку.

Тураах прислушалась к себе: боль ушла, оставила только тянущее чувство в мышцах. Хотелось двигаться, полной грудью вдыхать холодный воздух, хотелось глотнуть воды, непременно живой, колодезной, от которой бегут мурашки и проясняются мысли.

Выпутавшись из теплой дохи из чернобурки, Тураах села. Стены юрты зашатались, камелек, ороны и выставленная рядом домашняя утварь соскочили со своих мест, закружились перед глазами. Тураах ухватилась за постель, зажмурилась. Досчитала до пяти, с опаской приоткрыла один глаз. Все вернулось на свои места, можно вставать. Размяла затекшие ноги, шагнула раз, другой — тело слушалось, силы прибывали с каждым движением.

Накинув кафтан поверх нижней рубахи и обувшись, Тураах вышла во двор. Предрассветная прохлада мягко обняла ее. Тураах вдохнула пьянящий запах соседки-тайги, восторженно огляделась.

---

* Уот Иччитэ — дух-хозяин домашнего очага.

Тягучий синий сумрак окутывал мир, в вышине поблескивали постепенно смежающиеся серебряные очи звезды, а над озером уже тянулась светлая полоска зари. Красота!

Тураах двинулась между юртами и амбарами в сторону колодца. Огибая соседний дом, она заметила переговаривавшихся у костра людей. Голоса звучали тихо, но тревожно. Тураах скользнула было мимо, но взгляд зацепился за высокую фигуру с ветвистыми рогами. Значит, не сон, не морок болезни. По спине пробежал холодок. Дыхание участилось, голова снова пошла кругом. Тураах зажмурилась, пережидая слабость. Голоса резко приблизились, слух многократно заострился, и Тураах невольно подслушала разговор у костра.

— ...но болезнь отступила, — возразил Бэргэн.

— Отступила? — голос кузнеца (тяжелый молот опускается на наковальню) прогремел в тиши спящего улу-са. — Ха! Молодым да удалым, видно, не к лицу слушать старших, а уж тех, кому ведомы Верхние и Нижние миры, — и того подавно.

— Не горячись, дархан Чоррун: всю деревню пере-будишь. — Тихо звякнули металлические накладки на оде-янии шамана. Кузнец хмыкнул, но промолчал. Тайах-ойуун обратил карие глаза на охотника. Бэргэн воспитывал Та-бату с тех пор, как их родителей забрала черная хворь, и потому должен был знать правду. — Дети вступили на тропы шаманов. Сойдут с пути — и хворь ударит снова. Да так, что и я помочь не в силах буду.

Тьма, поселившаяся в душе Тайаха, жгла, терзала. Ойуун прикрыл глаза, гася разгорающийся в них жел-тый огонь, и обернулся к Нарыяне. Та молчала, только

с мольбой заглядывала в лицо старого шамана да тербила рукава своей одежды. Вышитая окантовка уже начала расплзаться под ее пальцами, но Нарыяна не замечала. Все еще надеется, бедняжка: не зря же старик отпаивал Тураах горько пахнувшим отваром, шептал над ней свои заклинания, а затем внезапно исчез почти на сутки в тайге. Но щадить ее чувства Тайах не собирался:

— Дети начали путь вместе, но разошлись на перепутье. Я могу направить Табату, стать его учителем и проводником в Верхнем мире. Твоя дочь вне моей власти: она под крылом Ворона. Тураах — будущая удаганка* Хары Суоруна**.

Нарыяна охнула, закрыла лицо руками.

В висках застучало. Перед глазами замелькало черное. Крылья, крылья воронов! Совсем как в горячке бреда. Тураах осела на землю, сжала голову руками.

Будущая удаганка. Удаганка. Удаганка.

Все исчезло, осталось только это слово.

Тураах не помнила, как долго просидела на земле, как добралась до родной юрты, все еще пустой, и отгородилась от мира старой дохой из чернобурки.

Удаганка. О такой судьбе Тураах не просила никогда. Она мечтала совсем о другом. Не о собственной юрте, муже и детях, как сулила ей мать, а о жизни охотника.

---

* Удаган (в русифицированной версии — «удаганка») — женщина-шаман. В тексте употребляются оба варианта как равнозначные.

** Хара Суору́н — «черный непреклонный», «черный ворон», покровитель ряда якутских родов, предок девяти шаманских родов.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Конечно, все жители таежного улуса умели ставить силки и ловить рыбу, без этого было не выжить в суровом крае, но... Забираться в самую чашу, выходить один на один против высоконогих лосей, загонять оленей и снежных баранов, обеспечивать свое племя дичью. Как Бэргэн. Сидя в тайном месте, они мечтали о такой участи вместе с Табатой.

Что же теперь? Удаганка. Страшное слово перечеркивало все, что рисовало воображение Тураах. На краю сознания насмешливо кричали вороны.

А Табата? Ойуун сказал, что Табата тоже станет шаманом... Не одна. Друг будет рядом.

Скрипнула дверь, пустила в юрту утреннюю свежесть. Тураах затихла, притворилась спящей. Нарыяна постояла над постелью дочери, вздохнула и отошла, занялась домашними хлопотами. Только всхлипывала иногда.

Тураах плотнее завернулась в залатанную доху. Перебрала все, что знала о шаманах. В сказаниях олонхо, которые скрашивали долгие зимние вечера, больше о воинах-боотурах, победителях коварных абаасов. Но помогали-то им мудрые ойууны. Лечили людей и обращались к богам, благословляли охотников, путешествовали по Трем мирам.

Пусть не такая это судьба, о которой Тураах мечтала, но и она может оказаться полной приключений.

Тураах сама не заметила, как замечталась. Тревога не ушла, спряталась глубже, в недра души. Ее сменило предвкушение чего-то захватывающего, полного тайн.

Когда первые лучи солнца проникли в юрту сквозь мутное окошко, Тураах крепко спала, погрузившись в волшебные приключения.

— Но почему? Я прекрасно себя чувствую! — глиняная чашка, тщательно вычищенная Тураах, жалобно брякнула о стол.

— Ты перенесла тяжелую хворь, — Нарыяна тревожно вглядывалась в лицо дочери: недовольная морщинка между бровей и упрямый блеск черных глаз — ничего больше. Ничего необычного.

— Буду сидеть взаперти — заболею снова, — угрюмо буркнула Тураах и опустила голову. Вот уже третий день, как она встала с постели, а мать ни словом не обмолвилась о том, что предрек старый ойуун. Тураах даже засомневалась, не привиделся ли ей в бреду тот ночной разговор.

Сидеть взаперти больше не было сил. Подвижная, озорная Тураах задыхалась без запахов леса и нежных прикосновений ветерка. Еще больше не терпелось найти Табату и все-все рассказать. Друг или посмеется вместе с ней, или подтвердит слова шамана. Ведь Тайах-ойуун сказал, что будет учить Табату.

Сомнения терзали хуже неволи. Почему молчит мама? И старый шаман больше не появляется... Если подслушанный разговор не сон, не видение, разве не должен был ойуун... Что он должен был, Тураах не придумала. Но что-то должен был?..

Тураах исподлобья взглянула на охотничьи снасти отца и расстроилась еще больше. Отец не приехал...

Подняв голову, она поймала настороженный взгляд матери. Родные, светло-карие глаза словно искали кого-то чужого, тайком забравшегося под кожу Тураах. Или это сама Тураах ищет в себе нечто?

Нарыяна окинула взглядом ровные ряды вычищенных дочерью чашек и горшков:

— Обещай не уходить из деревни.

Тураах вскочила. Конечно, она ни шагу не сделает за пределы улуса. Тараторя обещания, радостно закружила вокруг матери, а затем вприпрыжку помчалась на волю.

Нарыяна обеспокоенно смотрела вслед дочери. Тайахойуун обещал сам поговорить с детьми, уверял, что они здоровы и не опасны. Но по улусу уже поползли пересуды. Нехорошее предчувствие не покидало ее.

Довольно прищурившись, Тураах подставила лицо ласковым лучам солнца. Прохладный ветерок запутался в тугих косах, приветственно погладил по щекам, дернул за широкий черный кафтан, украшенный сине-белой вышивкой.

Свобода!

Тураах восторженно оглядела залитый солнцем улус и зашагала мимо юрт к детской поляне на окраине поселения. Табата, должно быть, там: Бэргэн уж точно не стал бы держать младшего брата взаперти.

— Доброго дня вам, хотун Уйгуна! — звонко крикнула Тураах соседке, матери погодок Туярымы и Алтааны. Уйгуна не ответила, поджала губы.

Тураах не обратила внимания на неприветливость соседки: манили звонкие голоса друзей, доносящиеся с игровой поляны.

Вот и сторожевая елочка. Ствол ее, оголенный на две трети роста Тураах, блестел от прикосновений детских ладошек. Тураах радостно махнула рукой, приветствуя дерево, и устремилась к детворе, рассевшейся на поваленном стволе неподалеку от елочки.

Ребята заметили Тураах. Многоголосый гомон прервался. Тураах стало неуютно в неожиданно наступившей тишине. словно она чужачка. Даже елочка не помахиwała ветвями, приветствуя.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

